

етса, как, впрочем, и различие пола. Революция, одним словом.

Симптоматично, что на фоне обезрежиссерившей питерской театральной жизни (профессионал по большому счету занимается, если судить по результату, Додин и Спичак) актерские силы пока не иссякли. Это, конечно, не дает погоды, но избавляет от чувства неловкости — домашняя радость! — но все же как-то оправдывает наличие театров в культурном слое. Такая ситуация не может продлиться долго, актерская воля может быть пострашней режиссерского самодуриства и требует «баргаго». Но сейчас соотношение актерского и режиссерского неважно: видите мне блямбачек с танкиком.

Только что некая фирма «Гэп» устроила бенефис Ирины Соколовой. Эта артистка — краса и гордость питерской сцены, наша Бабенцова, наша Джульетта Мазина. За тридцать лет служения детскому театру она не утратила ни трепетности отношения к делу, ни молодости, ни звонкого голоса, ни хрупкости, ни чувств юмора. Хотя часто бывало ей не до смеха — и при Корогодском, и при нынешнем худруке Тюзе Андрее Андреевиче Перков, что поразило — бенефис состоялся не на сцене Тюза. Приютил бенефициантку и ее многочисленных почитателей Театр имени В. Ф. Комиссаржевской (вот почему вспомнился «бой бабочки»). Второе потрясение — сама Ирина Соколова. Она танцевала знаменитую партию Комарника в балете «Муха-Цокотуха», пела в капелла женские партии Валерия Гаврилина, играла мудрую мамашу Кураж, одинокую интеллигентную дамочку в потеряй

кам не подозревавшийся трагический талант. То, что терлось на большой сцене, выявлялось в камерном зальчике. А вернее — в атмосфере внимания, участия, поддержки.

Можно посоветовать, что настоящая жизнь разбегается в Питера во углам. Но что ж огорчаться? Идет децентрализация. Еще лет десять назад и Малый драматический казался мажорным углом. И если из театра-фабрик творческие силы перетекли в театры-приносы — пусть! Кто сказал, что для театра нужно что-то, кроме криши над головой, одного коврика и двух актеров!

Елена АЛЕКСЕЕВА.

Приюты комедиантов

шубке («Два пуделя») и бесподобную агонистию Кошки, которая гуляет сама по себе. Актриса вспоминала и своих акцентов, злых и шодковых девачек-мальчишек, но все-таки вытлупа тревесит — не самая сильная ее сторона. Она женственна. А этой гранью ее деревня нынешний Тюз не прельстился.

Еще одна невожиданность — атмосфера бенефиса. Это был тот Тюз, которого уже нет: зрители, которые уже не посещают чужое, холодное помещение на Семеновском плацу, актеры, которые стали диссидентами, ушли из родного театра или «на вылет». На сцену выстроили Антонина Шурванова, Александр Хачинский, Валерий Дьяченко, Игорь Шибанов, Наталья Бороваева, Александр Блок и даже З. Я. (Корогодский). Это был праздник в изгнании, а слезы на глазах — не только от радости.

Бой на территории Тюза выиграл Андрей Андреев. Это в искусстве побеждают бабочки, а в жизни — тажевая бронетехника. Бой за большие сцены выигрывают дипломмированные режиссеры, не всегда таковыми являющиеся. Их главная задача — чтобы понимаясь был спектаклей, актеров и всей этой прочей чепухи. Оттого так много в Питере Аркашек Счастливецких, заблудившихся между Ленкомом и Пушкинским театром, между «Открытым» и Комедией. Разных возрастов, разных дарований, разных темпераментов (впрочем, как правило, очень высокого градусе) и характеров. Это и покорившая почти все сцены города, и поругавшаяся почти со всеми режиссерами Лейла Киракосян. Это и юная, прелестная поэтесса Тая Михалевичкая. Это и Светлана Смирнова, Алексей Арсеев, Владимир Особик, Леонид Кудряшов, Александр Лыков — называю только самых известных. Их десятки, бездомных, бесприютных, со сложными судьбами, питерских театральных бомжей. И только единицы находят себя, находят опору.

В прошлом году из БДТ ушла Наталья Данилова. Одна из первых питерских театральные красавицы. Удачливая киноактриса (вспомним хотя бы шеяцеровские «Маленькие трагедии» или «Место встречи изменить нельзя»). В БДТ ей не везло: встретила на вытлупу интрижку и только пару летодов имела не «взрослый» роля — в «Девичник» и в «Дяде Ване». Чем дальше, тем меньше интересовала она режиссеров. Поняла, что перспективы никакой, что годы уходят... Приютил Наташу «Приют комедиантов». Юрий Томошавский нашел для нее пьесу — «Медвею» Людмилы Резумовской, окружил сильными актерами (З. Шарно, М. Девяткин) — и открыл ни-

БОЛЬШАЯ ПЕРЕМЕНА

Саша
Резаев

В ПИТЕРСКОМ театре — за- такувшаяся безвременья. Еще вчера казалось, что вот-вот закончится, то есть вот-вот что-то начнется. На минимуме!

Но театральная связь держит хвост моршавкой и проводит один за другим всевозможные конкурсы: на лучший спектакль минувшего сезона, на лучшую актерскую работу, на лучшую студионую, дискуссию и проч. В середине ноября собрался на свою секцию критики и попытались выбрать из пяти десятков прошлогодних премьер лучшие. Сезон, замену, был провальным — одна за другой рушились надежды и иллюзии. И, кроме «Бесов», нам в историю отечественного театра вложить нечего. После тайного голосования равное количество голосов набрали «Бесы», «Москва. Моление о чаше» (театра «Русские ночи», состоящего из актеров Валентины Белойцкой, Александра Маркова и режиссера Григория Козлова) и «Чушь во фраке» (театр «Комин-трест», режиссер Вадим Финосов).

Трагедия столь же забавная, сколь и символическая. Восьмичасовая глыба додлинских «Бесов» рядом с очаровательным зетрадным пустячком «Чушь во фраке» — это, может быть, и не слон рядом с мухой, но что-то вроде оперы Шибанова рядом с паванкой Вертинского. Сумятица, а которую ввергнут питерская сцена, прощает диссонансы. Здесь борьба с нидолами и деспотами достигла такого накала, что авторитеты ни в грош не ставятся, разница между актерами и режиссерами едва улавлива-

Экран и сцена. - с. 7